

Русская Правда

Том первый — тексты. Институт истории Академии наук СССР. Подготовили к изданию: В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин. Под редакцией Б. Д. Грекова (издательство Академии наук СССР, 1939).

Общеизвестно, что те памятники законодательной мысли дотатарской поры, которые мы обобщенно и весьма условно привыкли называть редакциями Русской Правды, представляют собою едва ли не самый драгоценный источник для уяснения истории социальной структуры Киевского государства. Особенно ценны эти источники для уяснения того напряженного момента классовой борьбы, когда княжеская власть переходила от даннических форм эксплуатации трудового населения к чисто феодальной эксплуатации. Последняя по своим размерам и напору, по вовлечению дружинных кругов и церкви не могла идти ни в какое сравнение с феодальной эксплуатацией туземной аристократии, выросшей на развалинах родовых отношений племен восточного славянства.

Открытые для науки в разное время около 200 лет назад памятники эти изучались и издавались недостаточно тщательно, что было естественно для дворянской и буржуазной историографии. И та и другая, не умея оценить эти памятники по достоинству и в правильной перспективе, толковали их на современный для XIX в. лад и по категориям юридического мышления того времени.

Вполне закономерно, конечно, что советская историческая наука, впервые правильно и высоко оценившая эти памятники, должна была получить для дальнейшего успешного их изучения вполне научное и тщательное их издание. В рецензируемом нами издании мы и усматриваем такое, вполне научное, тщательное и высокоудовлетворительное издание и приветствуем его как большой и заслуженный успех коллектива научных работников Института истории Академии наук СССР, который это издание подготовил и уже выпустил I том.

Издание задумано в трех томах. I и II томы дадут нам тексты этих памятников (II том — фотомеханические снимки с 15 важнейших списков). III том — комментарий к ним историографического порядка. Думается, что в этом плане недостает IV тома, несомненно, нужнейшего и важнейшего, чем III.

Этот том должен был бы собрать и предложить как дополнение к текстам все упоминания, отражения, ссылки и выдержки из Русской Правды, то опережающие по времени дошедшие до нас редакции (как договоры с греками 912 и 944 гг.), то отражающие иные композиции этих редакций. Рассеянные по разного вида источникам (договоры, уставные грамоты, летописи, Литовский статут и др.), они обычно упускаются исследователями из внимания. А между тем, собранные коллективным исследовательским трудом, они могут дать многое для изучения истории текста этих законодательных памятников, а также и практического применения их норм.

В пояснение укажу, например, на два случая упоминания в летописных текстах норм Русской Правды, из которых, надеюсь, видна будет важность подбора подобного рода материала. Я обхожу при этом общеизвестное упоминание о продажах и вирах в предисловии ко «Временнику» 1093 г., которое сохранилось в младшей редакции Новгородской I летописи и к которому мы еще вернемся в другой связи.

В Ипатьевской летописи под 1149 г. (fin.) сообщается о примирении Изяслава и Юрия после «Переяславской войны»: «И на том хрест целоваша, яко по Переяславском полку что будет пограблено: или стада, или челядь, что ли кому будет *познавши поимати же по лицу*». Здесь любопытна не только расширительная практика известной статьи Русской Правды, но и формулировка, несколько отличная от формулировки пространных редакций, сохранившихся до нашего времени: «а после познаеть в своем городе, свое ему лицемъ взяти».

Другое летописное упоминание о Русской Правде еще важнее и любопытнее. Оно относится к 1177 г. и переносит нас в эпоху разгара борьбы за наследство Андрея Боголюбского между Ростиславичами, кандидатами ростовского боярства, и Михалком, кандидатом владимирцев. В Лаврентьевской летописи (под 1176 г.) так описывается управление Ростово-Суздальским краем временно победившими Ростиславичами: «Сядящема Ростиславичема в княженеи земля Ростовская, роздаяла бяста по городом посадьничство Русьским детьцким. Они же многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами». Смысл записи ясен: раздраженный владимирец возмущается тем, что Ростиславичи составляют свою администрацию из дружинных низов (детьцкии), привезенных с Киевского юга (Русьские) и вводящих в жизнь Ростово-Суздальского края Русскую Правду (продажи и виры). Отсюда с неизбежностью вытекает, что Ростово-Суздальский край не знал до того Русской Правды, которая была законодательным памятником Русской земли, а не всего Киевского государства. Летописание Ростово-Суздальского края, как известно, под Русью и Русской землею последовательно понимает Киев, Чернигов и Переяславль, а все остальное, и себя в том числе, к Руси и Русской земле не причисляет.

В утверждении, что Ростово-Суздальский край в 70-х годах XII в. не знал и не желал знать Русской Правды, можно пойти и дальше: Русской Правды не знали здесь и в начале XIII в. В самом деле, когда после 1212 г. во Владимире был составлен свод, посвященный памяти Всеволода Большое Гнездо, редактор этого свода исправил в приведенном нами отрывке о дурном управлении Ростиславичей слова «продажами и вирами» на «продажами и винами», очевидно, не понимая значения слова «вира». Что здесь не может быть и речи об описке, свидетельствует наличие такого чтения в Радзивилловской, Московско-академическом списке и в Летописце Переяславля Суздальского, т. е. во всех трех летописных памятниках, отражающих владимирский свод 1212 г.

Поэтому, думается, обоснованным будет пожелание, чтобы коллектив научных работников Института истории, заканчивающий работу над задуманными томами Русской Правды, взялся теперь за осуществление предлагаемого мною дополнительного IV тома, который так поможет исследователям в изучении текста и судеб этих ценнейших памятников.

Перехожу к разбору I тома. Всякий исследователь, в поле зрения которого так или иначе лежала или лежит Русская Правда, не может не испытать чувства величайшего удовлетворения от заявления издателей, что ими «были приняты вообще все доступные меры к разысканию списков Русской Правды в Москве, Ленинграде и в других городах», так что возможность нахождения новых списков будет теперь «в качестве редких исключений». При наличии старых изданий текстов Русской Правды углубляться в трудное и сложное дело изучения истории текста представлялось задачей неблагоприятною и непосильною для одинокого исследователя, потому что мобилизовать недостающие списки нужно было раньше, чем изыскивать новые методы преодоления трудностей текстологического и композиционного порядка. Новое издание в этом смысле подводит исследователей к последней задаче непосредственно, и можно с уверенностью рассчитывать на оживление в области изучения текста и истории этого важного памятника древности. Только теперь можно будет, наконец, подвести научный фундамент под изучение *содержания* памятника, которое часто, отрываясь от изучения *текста*, создавало самые произвольные и выдуманные построения.

Собранные списки и их классификация открыли перед изучающими любопытную историю использования Русской Правды в нашей древней письменности от XIII до XVII в., причем в огромном большинстве случаев мы имеем право говорить не о практическом применении памятника, а о желании сберечь и передать его текст, даже предварительно его выверив («не с единого списка, но с различных добрых переводов» 1592 г.). При наличии этих данных моменты разветвления установленных, например, двух главных групп Пространной редакции освещают, сверх текстологических проблем, важные политические и культурные факты из жизни нашей древности, знаменуют собою попытку заново осмыслить, выверить и понять текст как исторический

документ. При величайшей бедности наших данных о фактах политической и культурной жизни нашей древности, эти вехи, на которые указывают наши списки, требовали к себе большего внимания: ведь здесь перед историками открывается широкое поле для исследования.

Начать хотя бы с окружения, в котором до нас дошли списки всех трех групп Пространной редакции. Несомненно, что изучение этого окружения, испытывавшего совместно с текстами Русской Правды те или иные редакционные воздействия, дало бы нам возможность, уяснив редакторские приемы над всем комплексом (Курмчая, Мерила и др.) в композиционной и текстологической правке, с уверенностью подходить к «разночтениям» списков Русской Правды, в них включенных.

Что подобного рода изучение окружения текста Русской Правды весьма ценно и для тех плановых задач издания, которые от начала до конца остались неизменными, можно видеть из следующего примера. Как известно, Краткая редакция сохранилась в двух списках младшей редакции Новгородской I летописи внесенною в текст повествования. К счастью, окружение здесь нам достаточно известно: мы знаем, что перед нами опыт составления летописного свода начала XV в. в Новгороде, где в основу положен сохранившийся и до наших дней древний (XIV в.) Новгородский свод с привлечением какого-то древнего Киевского свода и других летописных материалов. Древний Киевский свод, как бы мы ни спорили о пределах его окончания, дал в этой композиции начало всего построения, более древнее, чем обычная «Повесть временных лет», и датируемое 1093 г. Конечно, к этому же Киевскому своду относится и текст Краткой редакции Русской Правды. Новгородский сводчик, во-первых, включил его в самое повествование, тогда как в Киевском своде он был, вероятно, приложением, подобным «Поучению» Мономаха для «Повести временных лет» Сильверстовской редакции, а во-вторых, несомненно, подновил язык и терминологию текста, так что филологи теперь отказываются в нем признать XI в. Знакомство с историей окружения Краткой редакции Русской Правды значительно облегчит попытку восстановления из современного ее текста текста XI в. Изучив редакторские приемы новгородского летописца XV в., трудившегося над основой младшей редакции [Новгородской I летописи, мы сможем отнести эти его приемы и к тексту Русской Правды. Кроме того, мы сможем корректировать наши конъектуры наблюдениями над историей чтений Краткой редакции в редакции Пространной. Это в совокупности и даст нам искомый результат.

Приведем один пример. Вероятно, многим исследователям приходило в голову, что во 2 ст. Краткой редакции имеется явно искаженное чтение: «То не искати ему видока человеку тому». Последние два слова ничего не прибавляют к смыслу статьи, но вводят вместо слова «муж» «человек», что не вяжется с языком памятника. Сверившись с чтением этой статьи в Пространной редакции, видим, что там этих слов нет. Значит, их смело можно приписать редакторской руке новгородского летописателя XV в., который, не поняв древнего слова «муж» как дружинник князя, истолковал его по-новгородски, демократически: муж—мужчина, человек. Но такое амплифицированное чтение дают нам оба списка—и Археографический и Академический. Значит, амплификация восходит еще к их протографу. Замечательно, что в ст. 15 этого же текста в Археографическом списке читаем: «то ити ему на извод перед 12 мужа», а в списке Академическом находим: «пред 12 человека». Это не может не подкрепить нашего первого наблюдения, что новгородские летописатели по-своему понимали термин «муж», и дает нам право считать, что Краткая редакция никаких «человеков», как термин, в своем тексте не имела. Она знала и говорила только о «муже» и «мужах».

Конечно, зная также историю окружений текстов Пространной редакции, мы многое уяснили бы для себя в реконструкции терминов и языка протографов групп этой редакции. Едва ли нужно к этому прибавлять, что поднять подобного рода работу не может отдельный исследователь и что это надлежит сделать ученому коллективу.

Изучение всех 101 собранных списков (из них 16 до сих пор неизвестны) привело к установлению двух основных редакций (по предложенной изданием терминологии—разрядов): Краткой и Пространной. Краткая дала только два списка, заслуживающих напечатания и внимания, а Пространная распалась на три группы: Троицкую, Пушкин-

скую и Карамзинскую. Каждая из этих трех групп распадается на виды: в Троицкой их 8, в Пушкинской—2, в Карамзинской—3. Сокращенная редакция—один из видов Пространной. В настоящем томе опубликованы два списка Краткой и тринадцать списков Пространной. Остальные списки даны в вариантах с известной мерой взвешенности, т. е. без ненужной попытки дать все орфографические особенности. Хотя во II томе все эти пятнадцать списков будут воспроизведены фотомеханически, издатели с большою тщательностью воспроизвели эти списки, охраняя текст от привнесений, конъектур и т. п., так что по этому изданию может работать не только историк, но и филолог. Очень хорошо, что в издании даны также сводные тексты Краткой и Пространной редакций. Последняя дана в трех списках, лучших в каждой группе, с привлечением текста сокращенного вида. Все обдуманно всесторонне и тщательно выполнено.

Нельзя не отметить здесь большую работу, вложенную в это издание В. П. Любимовым, давшим классификацию и весьма живой обзор списков; его классификация свидетельствует о большом таланте текстолога. Не столь, может быть, выигрышной выглядит та работа, которую внес в издание Н. Ф. Лавров. Но только его настойчивости, уважению к тексту, его вниманию к будущим читателям издания мы обязаны безукоризненностью воспроизведений текстов (два раза сверенных с рукописями).

Известное изречение о двух сторонах медали нередко применяют к коллективным научным предприятиям, относя к лицевой стороне возможность выполнить то, что не под силу исследователю-одиночке, а к оборотной—ту среднюю линию, которой руководствуется коллектив как слабое из различных индивидуальностей. В изданиях, подобных настоящему, едва ли можно считать недостатком обдуманность и солидность, которые характерны для него. Но несомненно, что некоторые члены коллектива еще выступают, чтобы дополнить и углубить наблюдения над изданными памятниками, так как трудно предполагать, что за три года работы у некоторых из них не возникли своя точка зрения и свое особое понимание.

Мы ждем таких выступлений, которые еще оживят вопросы и темы, связанные с Русской Правдой, но которые, конечно, не поколеблют значения и достоинства этого прекрасного издания текстов.

М. Приселков

L'Antiquité Classique, 1932—1937, томы I—V

Бельгийский журнал «L'Antiquité Classique» за последние несколько лет выходит только два раза в год. Руководителями этого журнала являются такие крупные бельгийские ученые, как Биде (J. Bidez), Кюмон (F. Cumont), Грегуар (H. Grégoire). Ввиду большого научного значения статей этого журнала мы даем краткий обзор тех из них, которые имеют отношение к истории древнего мира.

1932 г., том I, выпуски 1 и 2 (в одной книге)

Выпуск 1

J. Bidez в статье, посвященной новой книге Пиганиоля об императоре Константине («À propos d'une biographie nouvelle de l'empereur Constantin», p. 1—7), признавая всю ценность этой работы, отмечает ее слабые места. Он противопоставляет эту книгу работе Грегуара «La «conversion» de l'empereur Constantin» («Revue de l'Université de Bruxelles», 1931), не признающего никакого «обращения», и высказывает мысль, что весь этот миф—дело рук позднейшего панегириста.

G. de J e r h a n i o n в статье о календарных системах городов Кипра («Observations sur le calendrier de Salamine de Chypre à l'époque chrétienne», p. 9—24) указывает, что в известной мере египетская система календаря города Саламина объясняется его торговыми сношениями с Александрией, тогда как в других городах календарь